

видно, тонким различием глаголов русских («удручать») и славянских («утомить»): «шестидесятилетней старик, удрученной нещастиями и утомленный бременем претяжких безпокойств» (ч. V, стр. 29).

По сравнению с Елагиным у Лукина замечается большое пристрастие к просторечной форме сравнительной степени имен прилагательных, также неодобренной ломоносовской «Грамматикой»: «На что поступать справедливее, честнее, вернее, бесприбыточнее тех» (ч. V, стр. 47). На этом примере ясно можно видеть, что просторечная форма появлялась под ударением, а в безударном положении оставался суффикс книжно-литературной формы — *ее*.

Обычно у Лукина и просторечное образование имен прилагательных притяжательных: «покойниковы богатства», «Бароновы прошения».

Из глагольных форм вовсе отсутствует аорист, но славянская форма краткого причастия с удвоенным *н* в суффиксе преобладает: «каким чувством я к тебе напоенна», «глаза мои омочены слезами».

Изредка появляются в лукинском языке морфологические формы, свойственные южным говорам, они имеют характер обмолвок: «здравой корки <дательный падеж> дерев» (ч. V, стр. 20); «в грубиянстве *погрузлая* его душа» (ч. VI, стр. 66).

Синтаксис Лукина еще более «замысловат», чем у Елагина: он не затрудняется в составлении сложнейших периодов, причем самый характер, тон повествования заметно отходит от галантно-звучной, хотя и уснащенной славянизмами речи Елагина, и приобретает скорее приказно-канцелярскую витиеватость, не теряя, впрочем, логически выверенной слаженности.

Вот примеры лукинского слога: «Но не окончивая повествования о сем чудном приключении, долженствую я предуведомить читателя о некоторых обстоятельствах, кои удивить его могут» (ч. V, стр. 25); «Но понеже всяк знал, что то был Король, то ответ его в миг всюду разнесся, и слава похвалами и плеском <рукоплесканием> преисполнилась» (ч. V, стр. 61).

Из обильных у Елагина архаических конструкций в тексте Лукина изредка можно встретить лишь двойной винительный падеж: «Мы видели его плачуща»; «наконец, увидела я его в пятый день к нам пришедшего». Еще реже — двойной именительный: «Госпожа Дублет, будучи женщина добродетельная и целомудрая, отнюдь не довольна была толь чрезмерною щедростию».

Дательного самостоятельного у Лукина уже нет. Впрочем, нам встретился один оборот, пожалуй, скорее представляющий собой искаженный дательный самостоятельный, чем галлицизм: